

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантазмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы — и великой литературы — должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугое сплетение интриг, а исторические фигуры кажутся как никогда живыми и человечными!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги...

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балаганом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных — топор, — и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путают Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым, безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя Католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дожидаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более плодovitую Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ею упиваются. Она романтизи-

рована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение... Погрузившись в ее прозу, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых простонародье — почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова — хлеб насущный...

Portsmouth Herald

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути, являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому в романах так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

Борис Проскуряшин
(Филологический класс)

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действия того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвеля тоже — не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантеловском Кромвеле и что-то такое от крутых опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, — а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

Мария Мельникова
(Книжное обозрение)

Чем на этой поляне, вытоптанной до залысин десятками писателей и сотнями историков, можно еще удивить? Оказалось, главным героем. Мантел выбрала Томаса Кромвеля, нежно полюбила, переиначила его давно сложившийся демонический образ и не прогадала. Если иные утверждают — льстил и манипулировал, автор отвечает: был внимателен и умел убеждать. И не жадный, а хозяйственный. Не хитрый, а рациональный. Не мстительный, а последовательный. Не выскочка, а *self-made man*.

Чтобы упрочить свидетельскую правдивость героя, автор плотно набивает тексты подлинными вещами. Когда упоминает латинское издание «Государя» Макиавелли, золоченую звезду для новогоднего дерева, подаренный архиепископом перстень, резные шахматы — не сомневайтесь: существование этих предметов документально подтверждено.

Остальное — кривотолки: главная движущая сила сюжетов. Все интригуют против всех, о важнейших событиях узнают по сплетням, власть жиждется на заговорах, государственные решения зависят от придворных фейков. Мантел мастерски передает атмосферу словесной вакханалии — романная действительность соткана ею из диалогов. Отточенных, как меч казнившего Анну палача. Энергичных, как алчущие выгоды аристократы. Раскрывающих замыслы собеседников «от» и «до». И предельно информативных. Как те слухи, коими полнятся обе книги.

Big Kyiv

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переве-ди то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое — всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадение теперешней картинки с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, — так это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором.

«Не мертвые преследуют живых, а живые — мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных «Бу-

керов» — подряд за первую и вторую часть ее трилогии, — то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

*Анна Наринская
(Коммерсантъ)*

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

*Хилари Мантел
(из речи на Букеровской церемонии)*

*И вновь Мэри Робертсон
с пожеланием всяческих благ*

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица	18
------------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Соколы	29
II. Вороны	59
III. Ангелы	136

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Черная книга	197
II. Господин иллюзий	289
III. Трофеи	465
Послесловие	470
От автора	472
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова</i>	473

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дом Кромвеля

Томас Кромвель, сын кузнеца, ныне государственный секретарь, начальник судебных архивов, почетный ректор Кембриджского университета, викарий короля по делам англиканской церкви.

Грегори Кромвель, его сын.

Ричард Кромвель, его племянник.

Рейф Сэдлер, его старший письмоводитель, которого Кромвель воспитал как сына.

Хелен, красавица-жена Рейфа.

Томас Авери, его домашний счетовод.

Терстон, его главный повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

Антони, шут.

Покойники

Томас Вулси, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; смещен с должности, взят под стражу и скончался в 1530 г.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, казнен в 1535 г.

Томас Мор, лорд-канцлер, сменивший на этом посту Вулси, казнен в 1535 г.

Элизабет, Энн и Грейс Кромвель, жена и дочери Томаса Кромвеля, умершие в 1527–1528 гг., Кэтрин Уильямс и Элизабет Уэллифед, его сестры.

Семья короля

Генрих VIII.

Анна Болейн, его вторая жена.

Елизавета, малолетняя дочь Анны, наследница престола.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Другая семья короля

Екатерина Арагонская, разведенная первая жена Генриха, живет под домашним арестом в Кимболтоне.

Мария, дочь Генриха от Екатерины, возможная наследница престола, также содержится под домашним арестом.

Мария де Салинас, бывшая фрейлина Екатерины Арагонской.

Сэр Эдмунд Бедингфилд, дворянин, приставленный надзирать за Екатериной.

Грейс, его жена.

Семейства Говардов и Болейнов

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя королевы, старший из пэров Англии, яростный ненавистник Кромвеля.

Генри Говард, граф Суррейский, его младший сын.

Томас Болейн, граф Уилтширский, отец королевы, «монсеньор».

Джордж Болейн, лорд Рочфорд, брат королевы.

Джейн, леди Рочфорд, жена Джорджа.

Мэри Шелтон, двоюродная сестра королевы.

И за сценой: Мария Болейн, сестра королевы; сейчас она замужем и живет в провинции, но прежде была любовницей короля.

Семейство Сеймуров в Вулфхолле

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с невесткой.

Леди Марджери, его жена.

Эдвард Сеймур, его старший сын.

Томас Сеймур, его младший сын.

Джейн Сеймур, его дочь, фрейлина обеих королев Генриха.

Бесс Сеймур, ее сестра; жена, затем вдова сэра Антони Отреда, губернатора острова Джерси.

Придворные

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, муж покойной сестры Генриха VIII Марии, пэр Англии, наделенный ограниченным умом.

Томас Уайетт, джентльмен, наделенный безграничным умом, друг Кромвеля, по уверениям молвы — любовник Анны Болейн.

Гарри Перси, граф Нортумберлендский, больной и запутавшийся в долгах молодой джентльмен; был некогда обручен с Анной.

Фрэнсис Брайан по прозвищу Наместник Сатаны, связанный родством и с Болейнами, и с Сеймурами.

Николас Кэрю, шталмейстер, враг Болейнов.

Уильям Фицуильям, казначей, также враг Болейнов.

Генри Норрис по прозвищу Добрый Норрис, главный из джентльменов, состоящих при короле.

Фрэнсис Уэстон, дерзкий молодой джентльмен.

Уильям Брертон, вздорный пожилой джентльмен.

Марк Смитон, подозрительно хорошо одетый музыкант.

Элизабет, леди Вустер, фрейлина Анны Болейн.

Ганс Гольбейн, живописец.

Церковники

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, друг Кромвеля.

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, враг Кромвеля.

Ричард Сэмпсон, поверенный короля в матримониальных делах.

Государственные чиновники

Томас Ризли, прозванный Зовите-меня-Ризли, хранитель личной королевской печати.

Ричард Рич, генеральный атторней.

Томас Одли, лорд-канцлер.

Послы

Эсташ Шапюи, посол императора Карла V.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Реформаты

Хемфри Монмаут, богатый купец, друг Кромвеля, сочувствующий евангелистам, покровитель Уильяма Тиндейла, переводчика, сейчас находящегося в тюрьме в Нидерландах.

Роберт Пакингтон, купец, придерживающийся сходных взглядов.

Стивен Воэн, антверпенский купец, друг и агент Кромвеля.

«Старые» семейства, претендующие на трон

Маргарет Поль, племянница Эдуарда IV, сторонница Екатерины Арагонской и принцессы Марии.
 Генри, лорд Монтегю, ее сын.
 Генри Кургенэ, маркиз Эксетерский.
 Гертруда, его честолюбивая жена.

В Лондонском Тауэре

Сэр Уильям Кингстон, комендант.
 Леди Кингстон, его жена.
 Эдмунд Уолсингем, его заместитель.
 Леди Шелтон, тетка Анны Болейн.
 Палач-француз.

Тюдоры (упрощенная схема)

Генрих V — Екатерина Валуа — Оуэн Тюдор

Генрих VI

Эдмунд Тюдор — Маргарита Бофорт

Генрих Тюдор (Генрих VII) — Елизавета Йоркская

Артур — Екатерина — (2) Генрих VIII — (2) Анна Болейн — (3) Джейн Сеймур и еще три жены
(принц Арагонская Уэльский)

Маргарита

(1) Яков IV Шотландский

Мария

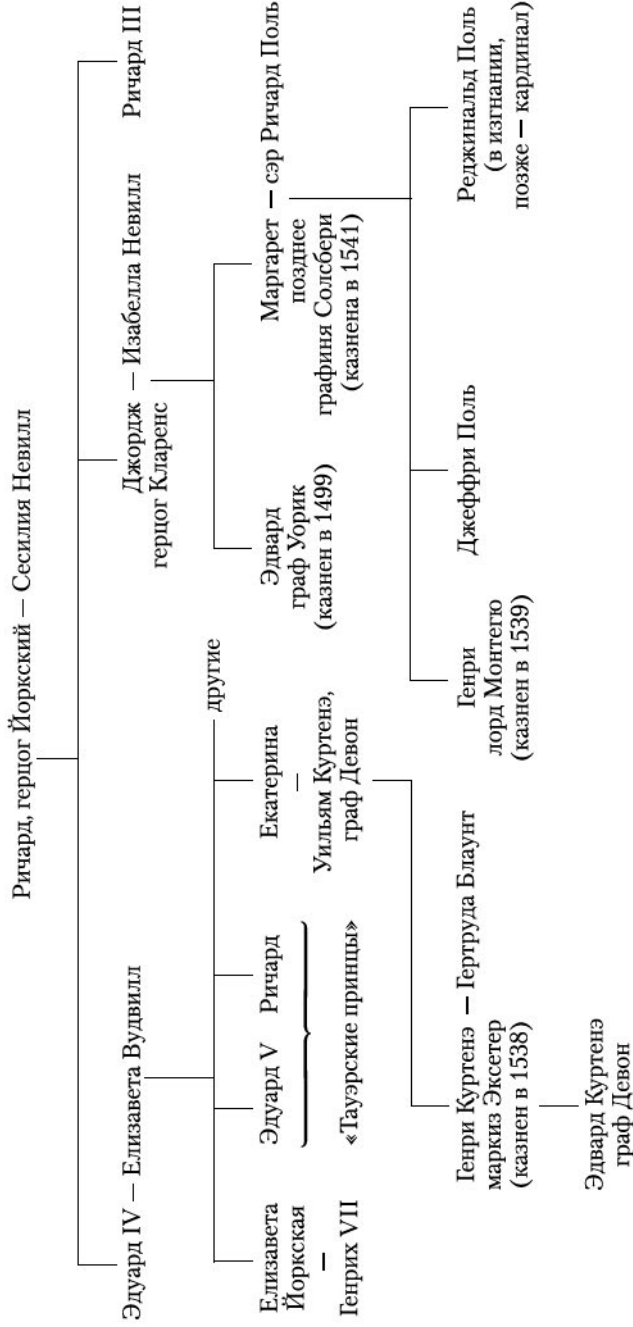
Людовик XII Французский

Мария Генри Фицрой, герцог Ричмонд незакон. (р. 1516)
Елизавета Эдуард (р. 1533) (р. 1537)
(р. 1519)

(2) Чарльз Брэндон, герцог Суффолк

*Генрих Тюдор (Генрих VII) претендовал на трон на том основании, что его мать, Маргарита Бофорт, была праправнучкой Эдуарда III.
Брак Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской соединил семейства Тюдоров и Йорков.*

Соперники Генриха VIII из семейства Йорков

«Чем я хуже других мужчин? Чем? Скажите, чем?»

*Генрих VIII — Эсташу Шатюи,
послу Священной Римской империи*

The background of the page is a light-colored wood grain texture. A vertical black line runs down the center. Several small, dark circular marks, resembling metal fasteners or rivets, are spaced along this line. The text is centered horizontally and vertically.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

I

СОКОЛЫ

Уилтшир, сентябрь 1535 г.

Его дети падают с неба. Он наблюдает, сидя на лошади, за ним — акры и акры английской земли. Падают камнем, златокрылые, глаза их налиты кровью. Грейс Кромвель зависла в воздухе. Бесшумно она настигает жертву, бесшумно возвращается к нему на руку. Однако звуки, с которыми она устраивается на перчатке, — шорох и скрип оперения, тихий горловой клекот — все это звуки узнавания, домашние, дочерние, почти привередливые. Грудка у нее забрызгана кровью, на когтях — клоки мяса.

Позже Генрих скажет: «Сегодня ваши девочки летали отлично». Сокол Энн Кромвель на перчатке у Рейфа Сэдлера покачивается в такт конскому шагу. Рейф и король едут рядом, непринужденно беседуя. Все устали; солнце клонится к закату, они, отпустив поводья, возвращаются в Вулфхолл. Завтра в небо взмоют его жена и сестры. Женщины, чьи кости гниют в лондонском суглинке, обрели новое тело. Невесомые, они плывут в воздушных потоках. Им неведома жалость. Неведом долг. Их жизнь проста. Глядя вниз, они видят только добычу да заемные плюмажи охотников, видят трепетный порхающий мир — мир, полный еды.

Все лето было таким — вакханалия крови, летящие пух и перья, собачий лай; лошадям — скребницы и щетки,

джентльменам — примочки и мази на ушибы, потертости, растяжения. И, пусть всего несколько дней, Генрих купался в солнце. Иногда, ближе к вечеру, с запада налетали тучи, и большие благоуханные капли касались разгоряченных лиц, однако солнце тут же проглядывало вновь и начинало палить нещадно. А сейчас небо такое ясное, что можно подглядывать за святыми в раю.

Они бросают поводья конюхам и спешиваются. Его мысли уже в бумагах — в депешах, доставленных из Уайтхолла курьерской почтой; куда бы ни переехал двор, она работает исправно, по всему пути из Лондона учреждены подставы. За ужином с Сеймурами он вытерпит все, о чем будут вещать хозяева, все, что придет на ум королю, счастливому, взъерошенному, добродушному, как сейчас. Когда король удалится спать, наступит его рабочая ночь.

Вечереет, но Генрих не торопится заходить в дом: стоит, смотрит по сторонам, вбирает ноздрями запах конского пота; лоб обгорел на солнце. В начале дня король потерял шляпу и не пожелал взять взамен чужую, так что и другим охотникам пришлось обнажить голову. В сумерках слуги будут рыскать по лесам и полям, высматривать колыхание черного плюмажа в темнеющей траве, золотой блеск охотничьей кокарды: святого Губерта с глазами-сапфирами.

Осень уже в воздухе, чувствуется, что таких деньков осталось наперечет. Постоим же среди мельтешения вульфхоллских грумов (рука короля лежит у него на плече), постоим, глядя на земли западных графств в синей вечерней дымке. Король вспоминает прошедший день, и в разговоре время бежит вспять: мимо рощ и ручьев к ольшанику у реки, к утреннему туману, который растаял в девять, к недолгому ливню, к душному полуденному зною.

— А вы ничуть не обгорели, сэръ! — удивляется Рейф Сэдлер.

Рейф, рыжий, как и король, сейчас весь малиновый в бурую крапинку веснушек, даже глаза как будто покраснели.

Он, Томас Кромвель, пожимает плечами и, приобняв Рейфа, вслед за Генрихом входит в дом. Он прошел всю Италию — не только полумрак банкирских домов, но и поля сражений, — не утратив лондонской бледности; даже в детстве, гоняя дни напролет с разбойной ватагой мальчишек, сохранял младенческую белизну.

— У Кромвеля лилейная кожа, — объявляет король, — и в этом его единственное сходство с каким бы то ни было цветком.

Подтрунивая над ним, они направляются к столу.

Король уехал из Лондона в ту неделю, когда казнили Томаса Мора. Стоял холодный дождливый июль, лошади месили копытами мокрую грязь. Кое-как добрались до Виндзора, оттуда дали круг по западным графствам. Помощники Кромвеля, завершив дела в окрестностях Лондона, нагнали королевский поезд во второй половине августа. Король и его спутники спали здоровым сном в новых домах розового кирпича, в старых домах за руинами укреплений, разрушенных временем и людьми, в сказочных замках-игрушках, построенных без мысли об обороне: их стены пушечное ядро пройдет как бумагу. Англия уже пятьдесят лет не знает междоусобной войны. Это тюдоровский завет — обетование мира. Каждый хозяин именина желает угодить королю. За последние недели мы навидались непросохшей лепнины, лихорадочной работы по камню: все спешат добавить к своим эмблемам розу Тюдоров, истребить любые следы Екатерины, бывшей королевы. Сбивают молотками арагонские гранаты, тесно прижатые косточки между двумя половинками лопнувшей кожуры, на их месте, если нет времени на новую резьбу, грубо малюют соколов Анны Болейн.

Ганс присоединился к королевскому кортежу и нарисовал Анну-королеву, но та осталась недовольна наброском — ей теперь ничем не потрафишь. Нарисовал Рейфа Сэдлера с аккуратной бородкой и твердым ртом, в нелепой модной шапчонке на коротко остриженных волосах — она сидит набекрень и как будто вот-вот свалится.

— Сделайте мне нос попрямее, мастер Гольбейн, — просит Рейф, а Ганс отвечает: «Да где ж мне выправлять носы, мастер Сэдлер, я разве врач?»

— Рейф сломал нос мальчонкой, упражняясь в турнирном искусстве. Я еле выхватил его из-под лошадиных копыт. Ну и слез тогда было! — Он стискивает юноше плечо. — Не горюй, Рейф, по-моему, ты вышел красавцем. Вспомни, что Ганс сделал со мной!

Томасу Кромвелю сейчас лет пятьдесят. У него тело работника, кряжистое, ладное, полнеющее. В черных волосах пробивается седина; из-за белой кожи, которую не берет загар, врут, будто его отец был ирландец, хотя на самом деле Уолтер Кромвель был кузнец и пивовар в Патни, а еще стригаль, шаромыжник, в каждой бочке затычка, бун и задира, пьяница и дебошир, которого постоянно таскали к мировому судье за то, что он кого-то отдубасил, кого-то надул. Как сын такого человека добился нынешнего влияния — загадка для всей Европы. Одни говорят, он возвысился вместе с Болейнами, родственниками королевы. Другие — что Кромвель всем обязан своему покровителю, покойному кардиналу Вулси, у которого был доверенным лицом. Третьи уверяют, что он знается с чернокнижниками. Юность его прошла на чужбине, он был наемным солдатом, торговцем, банкиром. Никто не знает, где Кромвель побывал и с кем водил знакомство, а тот не спешит рассказывать. Он не щадит сил на королевской службе, знает себе цену и не упустит вознаграждения, будь то должности, привилегии, земли, усадьбы или дома. У него найдется

подход к любому, целый арсенал средств: лесть и угрозы, подкуп и убеждение. Людям можно объяснить, в чем их истинный интерес, раскрыть глаза на такое, чего они о себе не знают. Всякий день королевский секретарь ведет дела с вельможами, которые, будь их воля, прихлопнули бы его как муху. Зная это, он неизменно учтив, неизменно спокоен, неизменно усерден в делах Англии. Не в его обычае обсуждать свои достижения, но, когда бы удача ни посетила его жилище, он всегда начеку и готов распахнуть дверь на первый же робкий стук.

В его лондонском доме портрет глядит со стены, темные замыслы упрятаны под сукном и мехом, рука сомкнулась на документе, как будто душит. Ганс тогда задвинул его столом, чтобы не сбежал, и предупредил: Томас, чур, не смеяться. Так и проходили сеансы: Ганс работал, мурлыча себе под нос, он яростно смотрел в пустоту. Увидев готовый портрет, он сказал: «Боже, я похож на убийцу», а его сын Грегори удивился: «Ты разве не знал?» Сейчас снимают копии — для друзей и для приверженцев из числа немецких евангелистов. Оригинал он не отдаст даже на время — привык я к нему, мол, — так что теперь, входя в дом, видит себя на разных стадиях становления: общие контуры, кое-где — подмалевок. С чего начинать Кромвеля? Одни начинают с маленьких пристальных глаз, другие — с шапочки. Третьи, избегая важного, пишут его печати и ножницы, четвертые выбирают кольцо с бирюзой, подарок кардинала. С чего бы они ни начали, общий итог один: если вы этому человеку досадили, лучше не встречаться с ним в темном переулке. Его отец Уолтер говорил: «На моего Томаса косо не глянь — глаз выбьет. Подставишь ему ногу — останешься без ноги. А если его не злить, он форменный джентльмен. И стаканчиком завсегда угостит».